

Чертовка

Сервис
СМОЛЛ

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл

Чертовка

«Издательство АСТ»

1996

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Чертовка / Б. Смолл — «Издательство АСТ», 1996 — (Гарем
Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-094926-7

Своенравная и неукротимая Изабелла Лэнгстонская становится полновластной хозяйкой родового имения после смерти отца. Неожиданно на имение предъявляет свои права Хью Фоконье, отважный рыцарь, законный наследник Лэнгстонского замка. По приказу короля он становится мужем прекрасной Изабеллы. Беспокойные дни споров и перепалок между супругами сменяются ночами эротических фантазий...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-094926-7

© Смолл Б., 1996

© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бертрис Смолл Чертовка

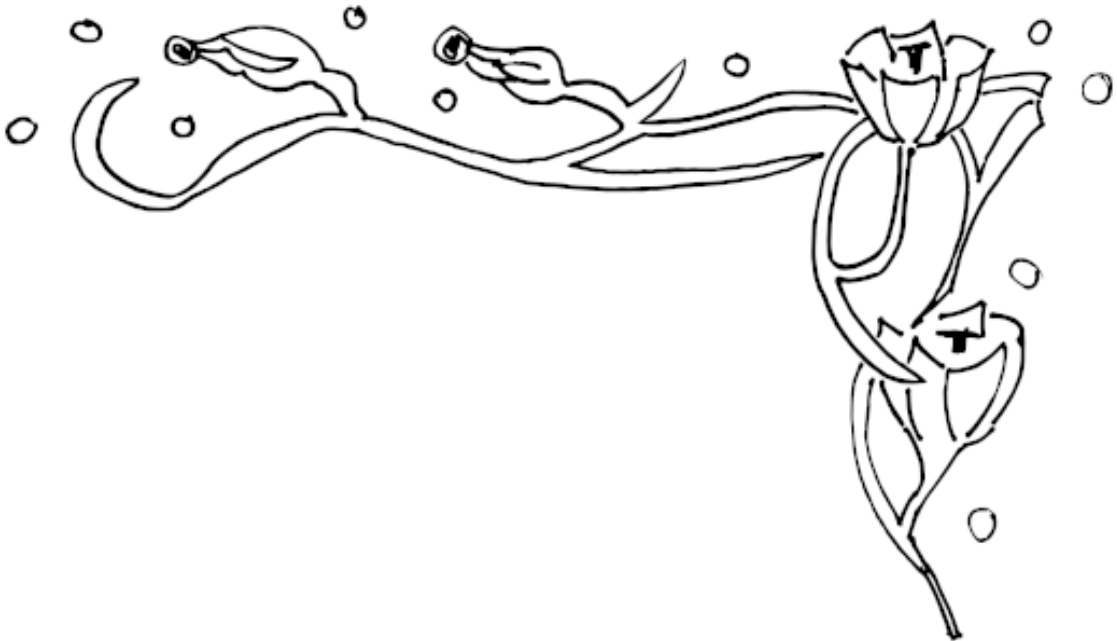
© Bertrice Small, 1996

© Перевод. А.И. Блейз, 1996

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

*Моему лучшему другу из Ист-Энда
Андреа Ауррикио.
Что бы я делала без тебя, крошка!*

Пролог Англия Август 1100 года

Торжественный прием в день Пасхи король Вильгельм Руфус провел в Винчестере. На Пятидесятницу он был в Вестминстере. В это время из деревушки в Беркшире дошли слухи, будто бы там забил из-под земли кровавый источник, и многие очевидцы подтверждали это. Когда вести о чуде дошли до короля, он лишь рассмеялся.

– Уж эти мне англичане! – сказал он. – Такой суеверный народ.

Священники угрюмо качали головами и перешептывались. Король был настоящим нечестивцем, он не уважал знамения, не верил в святые чудеса. «Он наверняка плохо кончит, – говорили священники, – как и его мерзкие приспешники».

Впрочем, те, кто хорошо знал Вильгельма Руфуса, высоко ценили его: к тем, кто погряз в невежестве и страхе, король мог быть суров без малейшего сострадания, но его никто не мог упрекнуть в недостатке справедливости по отношению к преданным слугам.

С первого августа начался сезон охоты на оленей, и Вильгельм Руфус отправился в свой охотничий домик в Новом Лесу с несколькими товарищами и младшим братом Генрихом.

Многие удивлялись, почему Генрих Боклерк (самый образованный из всех сыновей Вильгельма Завоевателя) в таких дружеских отношениях с королем: ведь наследник Вильгельма Руфуса вовсе не Генрих, а их старший брат Роберт, герцог Нормандский. Но несмотря на это, принц вроде бы не таил ни зависти, ни обиды, что так необычно для эпохи нескончаемых междоусобиц.

По плану охота должна была начаться на рассвете второго августа, но в этот день рано утром чужеземный монах поведал другу короля Роберту Фитцхеймо о предостерегающем видении, которое было явлено ему ночью.

Король согласился не выезжать на охоту с утра, хотя видение монаха несколько не испугало его. Просто король мучился от несварения желудка после чересчур обильной трапезы и выпивки накануне вечером.

– Во мне столько дурного воздуха, – иронически заметил он, – что олень почует меня издалека и спрячется; но после полудня мы все равно поедим на охоту.

Итак, после обеда Вильгельм Руфус со своими спутниками углубился в леса в поисках оленьих следов. Найдя истоптанное лесным зверьем местечко близ ручья, король спешил и притаился в кустах, поджидая, когда олень явится на водопой. Он знал, что его товарищ Уолтер Тайрел где-то неподалеку. Остальные охотники рассеялись, как было принято при такой охоте.

Внезапно в воздухе просвистела стрела и вонзилась в грудь Вильгельма Руфуса. Потрясенный король сжал стрелу рукой и, пошатываясь, сделал несколько шагов к ручью, ломая кустарник. Он не услышал ни звука, но глаза его встретились с глазами убийцы. В зарослях виднелось чье-то лицо. Король улыбнулся, узнав его. Во взгляде Вильгельма зажглось восхищение, почти одобрение. А потом король упал в грязь вниз лицом, ибо смерть настигла его и предьявила свои права.

Когда убийца Вильгельма Руфуса тихо скользнул прочь от трупа, листва даже не зашуршала. Уолтер Тайрел подошел к ручью и огляделся по сторонам. Увидев короля, он громко вскрикнул и поднял тревогу.

Через несколько секунд вокруг него столпились остальные спутники короля, в том числе и Генрих Боклерк с разинутым от изумления ртом.

– Mon Dieu, Уолтер! Вы убили короля! – во всеуслышание произнес Робер де Монфор.

– Нет! Нет! – ответил Тайрел. – Это не я, милорд! Король был уже мертв, когда я подошел. Мы были вместе, но он обогнал меня. Я нашел его здесь. Клянусь!

– Я уверен, что это несчастный случай, – сказал Роберт Фитцхеймо. – Всем известно, что вы – человек чести, Уолтер, и у вас не было причин убивать короля.

– Неужели это место проклято? – громогласно рассуждал де Монфор. – Несколько лет назад брат короля Ричард погиб таким же образом, а прошлой весной то же самое случилось с его племянником. Несчастный случай на охоте.

– Король погиб не от моей стрелы, – упрямо повторил Уолтер Тайрел.

– Ну уж нет, это наверняка ваша стрела, – наклонившись, произнес де Монфор. – Смотрите, это одна из двух стрел, которые дал вам сегодня король. Вы что, не помните, Тайрел? С утра пришел кузнец и принес шесть стрел. Король еще похвалил его искусство. Он взял четыре стрелы себе, а вам дал две. А сейчас у вас осталась только одна, верно?

– Одну я выпустил раньше, – настаивал Тайрел. – Вы сами видели, как я выстрелил в первого оленя. Но промахнулся и не нашел стрелы. Неужели вы забыли?

– Это несчастный случай, – примиряюще произнес Фитцхеймо. – Ужасная случайность. Не надо никого винить. Вам же, милорд, я посоветовал бы вернуться в свои владения, во Францию, – Пуа, если я не ошибаюсь? Наверняка найдутся горячие головы, которые захотят отомстить за это печальное происшествие. В седло, милорд! И скачите без оглядки!

Уолтеру Тайрелу, графу Пуа, не пришлось объяснять дважды. Он был не настолько туп, чтобы не понять, что здесь дело нечисто. Но он не желал отвечать за то, в чем был невиновен. Вскочив на своего коня, он галопом помчался прочь. Не задерживаясь у охотничьего домика, он напрямиком направился к побережью, где первым же кораблем намеревался отплыть во Францию.

– Король умер, – тихо проговорил Роберт де Монфор.

– Да здравствует король! – торжественно отозвался Фитцхеймо.

Вильгельма Руфуса похоронили на следующий день, в пятницу.

В воскресенье, пятого августа, его брат Генрих (который даже не стал дожидаться похорон короля и поспешил в Винчестер, чтобы позаботиться о королевской казне) был коронован в Вестминстере вопреки желанию своего отца, завещавшего передать трон Роберту после Руфуса. Генрих, младший из сыновей Завоевателя, обосновал свои претензии на трон тем, что он – единственный наследник, родившийся в Англии.

– Я, – дерзко заявил он баронам, – единственный законный наследник короля Англии, ибо, когда я родился, мой отец был королем Англии, а впервые я увидел свет в Селби, в Йоркшире. Мой брат, герцог Роберт, родился тогда, когда мой отец был еще герцогом Нормандским.

Король Генрих пообещал исправить все ошибки предыдущего монарха. Но заботило его совсем другое: он не спускал глаз с Нормандии – герцогства, принадлежавшего его старшему брату Роберту, который в это время был в крестовом походе.

Первым делом Генрих разослал гонцов ко всем землевладельцам Англии с требованием присяги на верность. Генрих хотел удостовериться в безоговорочной верности англичан, прежде чем приступить к воссоединению с Англией исконных отцовских владений.

О том, чтобы разъединить эти две территории, не могло быть и речи. Король Генрих, вне всяких сомнений, был законным королем Англии, а следовательно, и властелином Нормандии.

Часть первая

Лэнгстон

Зима 1101 года

Глава 1

– Ты должен жениться, Хью Фоконье, – с улыбкой произнес король. Он взял за руку свою молодую супругу и пылко сжал ее. Король Генрих сыграл свадьбу чуть более месяца назад. И несмотря на то что королеву выбрали по политическим соображениям, молодожены питали друг к другу достаточную приязнь. Они уживались вполне неплохо, хотя познакомились в день своей свадьбы.

Эдит, которую переименовали в Матильду, чтобы угодить нормандским баронам ее мужа, была очень хорошенькой женщиной; она унаследовала от матери каштановые волосы и серо-голубые глаза. И подобно своей матери была весьма набожной. Она намеревалась уйти в монастырь, но Генрих, стремившийся укрепить северную границу в преддверии захвата Нормандии, попросил у шотландского короля руки его сестры. Невесту тут же отправили на юг, поскольку шотландскому королю в любую минуту могла потребоваться военная поддержка своего английского зятя. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что Эдит-Матильда тоже принадлежала к прямым потомкам последних англосаксонских властителей.

Все присутствовавшие обернулись, чтобы взглянуть на предмет внимания Генриха. Рыцарь Хью Фоконье был саксонцем. Он знал нынешнего короля почти всю жизнь.

– Я женился бы с радостью, если бы моя супруга принесла мне столько наслаждения, как вам приносит королева, – любезно ответил он, – но, увы, мой сеньор, у меня нет ни средств, чтобы содержать жену, ни земель, где я мог бы поселить ее.

– Теперь есть, – сдержанно улыбнувшись, возразил Генрих. – Я возвращаю тебе Лэнгстон, Хью. Что ты об этом думаешь?

– Лэнгстон?! – Хью был потрясен. Лэнгстон – мечта всей его жизни. Там находилось их родовое гнездо, там когда-то жил его отец, но Хью никогда не видел своего отца, который вместе с его дедом и двумя дядьями погиб в битве при Гастингсе. Когда эти ужасные вести дошли до матери Хью, она, повинувшись какому-то невероятному прозрению, немедленно собрала все семейные ценности и вместе со слугами бежала на запад, через всю Англию, в земли своего отца. Хью родился через семь с половиной месяцев. После смерти матери его воспитывала бабка по материнской линии, нормандская аристократка, состоявшая в отдаленном родстве с Вильгельмом Завоевателем. Лэнгстон достался нормандскому рыцарю, преданному слуге короля Вильгельма.

– С того времени, когда правил мой отец, многое изменилось, – тихо сказал король Генрих. – Подойди ко мне после обеда, Хью, я хочу побеседовать с тобой наедине. Я все объясню тебе, друг мой.

Двор расположился в Вестминстере, празднуя Рождество. Но хотя с появлением королевы ко двору вернулись женщины, праздничного настроения не чувствовалось, поскольку король все еще пребывал в трауре по своему брату Вильгельму Руфусу. Кроме того, существовала большая вероятность, что герцог Роберт Нормандский с приходом весны попытается свергнуть Генриха с английского трона.

До того как Генрих стал королем, он всю жизнь буквально разрывался между двумя братьями – герцогом Нормандии и королем Англии, – пытаясь угодить обоим. Это было нелегко;

вдобавок его старшие братья в своих завещаниях объявили друг друга наследниками, оставив Генриха не у дел.

Потом папа Урбан II стал призывать к крестовому походу, чтобы освободить Иерусалим от сарацинов. Герцог Роберт, уставший от междоусобиц в своих владениях и от вражды с соседними государствами, отчаянно возжаждал приключений и последовал призыву папы. Но прежде он отдал Нормандию под залог своему брату Вильгельму Руфусу, поскольку для снаряжения такой славной экспедиции ему нужно было много серебра. Срок займа назначили в три года. К концу этого срока герцог Роберт обязался вернуть деньги королю Вильгельму Руфусу и забрать свои земли. Роберт возвращался домой из первого Крестового похода под легким бременем славы, с новой молодой женой Сибиллой, дочерью Жоффруа из Конверсано, лорда Бриндайзи, и племянницей сицилийского короля Роджера. В это время Вильгельма Руфуса убили в Новом Лесу, а Генрих, младший сын Вильгельма Завоевателя, без проволочек завладел казной и стал королем Англии.

Бароны не взбунтовались – у них были на то свои причины. Большинство считало, что Генрих сильнее своего старшего брата. Но с возвращением Роберта следовало ждать войны. Королю было совершенно необходимо собрать как можно больше сторонников, поскольку многие из его лордов владели землями как в Англии, так и в Нормандии. И Генрих понимал, что они окажут поддержку тому из сыновей Завоевателя, у которого, по их мнению, будет больше шансов на победу.

Хью Фоконье опустил на скамью, все еще оглушенный словами короля. Лэнгстон! Он получит Лэнгстон! Как обрадуются дед и бабка! Хью хотел бы, чтобы его мать дожила до этого дня, но бедняжка умерла почти сразу после его рождения.

– Вот везучий черт! – Друг Хью, Рольф де Бриар, ткнул его пальцем под ребра. – Признайся, как тебе удалось заслужить такой подарок? Я знаю, ты выращиваешь лучших в Англии охотничьих птиц, но ведь этого мало! – Рольф поднял чашу, кивнув своему соседу за столом, и отхлебнул добрый глоток вина. – Поместье большое?

Хью покачал головой:

– И не представляю, Рольф. Я никогда его не видел, даже точно не знаю, где оно находится... кажется, на востоке Англии. Моя бабка Эмма часто рассказывала, как там красиво. Она однажды побывала там, приехала на свадьбу моих родителей.

– Одним словом, король вполне может подsunуть тебе какую-нибудь гадость, – заключил Рольф. – А что случилось с тем лордом, которому отдали поместье после Гастингса? Земля-то там хоть пахотная? Дом есть? Сколько крепостных, сколько свободных? Тебе надо все это выяснить.

– Я ничего не узнаю, пока король не соблаговолит мне об этом рассказать. – Хью рассмеялся, придя в себя от здравых рассуждений Рольфа. – Ты поедешь со мной в Лэнгстон?

– А как же! – с готовностью откликнулся Рольф. Он приехал ко двору искать счастья и ужасно скучал. А предложение Хью пахло приключениями.

Обед подошел к концу, музыканты наигрывали негромкую мелодию. Хью Фоконье поднялся из-за стола, установленного на козлах, и направился к высокому королевскому столу. Он молча терпеливо ждал, когда Генрих заметит его. Наконец к нему подошел королевский паж и проводил его в маленькую комнатку без окон, где стояли два стула и стол.

– Подождите здесь, сэр Хью, – сказал мальчик и исчез за дверью.

Хью никак не мог решить, садиться ему или нет. В конце концов он решил подождать короля стоя и сесть, если тот предложит. Он нервно мерил шагами комнату. Но вот дверь внезапно распахнулась, и вошел король Генрих. Паж следовал за ним с вином и двумя кубками.

– Садись, сэр Хью, – добродушно пригласил король. – Налей нам вина, парень, – велел он юному пажу, который проворно исполнил приказание и вышел из комнаты, оставив Хью наедине с королем. Генрих поднял кубок. – За Лэнгстон! – произнес он.

– За Лэнгстон! – отозвался Хью Фоконье.

Генрих осушил залпом половину кубка и заговорил:

– Когда мой отец пришел в Англию, Лэнгстон был дарован Роберту де Манвилю. В ту пору он был еще почти мальчиком, но на поле битвы спас жизнь моему отцу. Как тебе известно, мой отец умел награждать за отвагу и преданность. И преданность Манвиля понравилась ему. В Нормандии у де Манвиля было мало земель в отличие от некоторых других спутников моего отца, последовавших за ним в Англию. Впоследствии этот рыцарь женился, произвел на свет двух сыновей, овдовел, женился повторно и родил дочь. Несколько лет назад он решил сопровождать моего брата, герцога Роберта, в Крестовый поход. Его дочь, родившаяся здесь, в Англии, всю жизнь прожила в Лэнгстоне со своей матерью.

Король на мгновение умолк, чтобы отхлебнуть еще вина, и продолжал:

– Сэр Роберт и его сын сэр Уильям погибли в битве при Аскалоне около семнадцати месяцев назад. Младший сын Ричард, узнав об этом, почти сразу же женился. Перед тем как отправиться в поход, сэр Роберт объявил в завещании своим наследником Уильяма, а если Уильям умрет – то Ричарда. Земли же, находившиеся в Англии, он оставил своей дочери Изабелле. Насколько мне известно, девушке сейчас пятнадцать лет.

После смерти моего брата в Новом Лесу я послал гонцов ко всем, кому даровали земли в Англии мои отец и брат, и попросил их принести мне присягу. Многие повиновались. Но среди них не было Изабеллы из Лэнгстона. Дважды я посылал к ней с требованием присягнуть мне, но она ничего не ответила на мое приглашение ко двору. Ей не хватает твердой мужской руки, чтобы наставить на путь истинный. Но что, если она пренебрегла моим призывом по совету своего нормандского брата Ричарда? Что, если она принесла присягу моему брату Роберту? Что-то я не доверяю этой девице, Хью.

Знаешь ли ты, в какой части Восточной Англии находится Лэнгстон? Он всего в нескольких милях от устья реки Влит, впадающей в море близ Уолберсвика. Над рекой возвышается главная башня каменного замка, которую сэр Роберт выстроил на месте дома твоего отца. Она практически неприступна и выгодно расположена. Лэнгстонским замком должен владеть человек, которому я полностью доверяю. И я считаю тебя таким человеком, Хью.

Хотя ты никогда не видел своего родового гнезда, я знаю, что могу доверять тебе по множеству причин, самая главная из которых – то, что у тебя нет земель в Нормандии. Тебе не приходится делить свою преданность между двумя хозяевами, как некогда приходилось мне и как поступают многие из моих самых могущественных баронов. Весной вернется мой брат и попытается отнять у меня Англию. Если я смогу собрать достаточно надежных сторонников, то без труда отстою принадлежащее мне по праву. А после присоединю к Англии и Нормандию. Покойный рыцарь де Манвиль оставил Лэнгстон в наследство своей дочери с одной-единственной целью. Это – ее приданое. Во имя рыцарской чести я не могу выгнать из замка девушку и ее овдовевшую мать. Поэтому поручаю тебе взять эту девушку в жены. Поскольку она – осиротевшая англичанка благородного происхождения, я имею право устроить ее брак. Ее родные не смогут ни пожаловаться на это, ни помешать мне. Никаких законных препятствий этому браку нет. Ты ни с кем не обручен, так же как и эта девица. Я пошлю с тобой одного из моих личных священников, отца Бернарда. Женщины должны убедиться, что я не намерен отнимать у них Лэнгстон или лишать чести леди Изабеллу. Отец Бернард освятит ваш брак и привезет мне известия о том, что все произошло по моему приказу. Если же брат девушки вздумает пожаловаться на меня своему сеньору, моему брату Роберту, ты должен хорошо защищать Лэнгстон.

– Когда вы желаете, чтобы я отправился в путь, мой сеньор? – спросил короля Хью Фоконье. С виду он был спокоен, но в душе его бушевала буря. Сердце бешено колотилось от волнения и предвкушений; но из почтения к королю рыцарь не выказывал никаких чувств.

– Тебе понадобится один день, Хью, чтобы твой оруженосец собрался в путь, – ответил король. – Я пошлю гонца к твоему деду, лорду Седрику, и сообщу ему о своих намерениях.

Я надеюсь, что, когда ты станешь землевладельцем и главой семейства, ты не перестанешь выращивать своих чудесных птиц. Это лучшие птицы в Англии.

– Как только я устроюсь на новом месте, сир, я пошлю к моему деду за племенной породой. Мои дядя и кузены не интересуются птицами, так что никакой зависти с их стороны не будет.

– Я счастлив слышать это, Хью, ибо мне не хотелось, чтобы угас прекраснейший во всей Англии род Мерлинсонов. Твои предки всегда выращивали лучших охотничьих птиц. Тебе известно, что мой отец впервые встретился с твоим дедом, когда много лет назад он приехал в Нормандию, чтобы участвовать в состязании со своими птицами? Именно тогда лорд Седрик впервые стал склоняться на сторону моего отца. Его преданность моему отцу после смерти короля Эдуарда и усилия, которые он приложил, чтобы усмирить мерсийскую округу, вызвали множество похвал. – Король улыбнулся собеседнику. – Но я отнимаю у тебя время, Хью, а тебе предстоит уладить еще много дел, прежде чем отправиться в Лэнгстон.

– Я прошу у вас позволения взять с собой Рольфа де Бриера, мой сеньор, – сказал рыцарь. Генрих кивнул:

– Да, он хорошо будет защищать твою спину, Хью. Возьми его с собой.

Хью поднялся и преклонил колени перед своим господином, вложив ладони в руки короля.

– Я – ваш слуга. Я буду преданно защищать Лэнгстон до конца своих дней, сир, – поклялся он.

Король поднял Хью Фоконье и расцеловал его в обе щеки. Потом вручил ему резной деревянный жезл, означавший, что Генрих передает Лэнгстон в вассальное владение своему рыцарю. Поклонившись, Хью вышел из комнаты.

Когда за ним закрылась дверь, Генрих улыбнулся. Он был доволен своими трудами. Много лет назад он посвятил Хью Фоконье в рыцари. Друг детства нынешнего короля еще тогда принес ему присягу на верность. Естественно, его присяга Вильгельму Руфусу превосходила по силе эту клятву; но с тех пор, как прошлым летом Генрих занял английский престол, Хью обновил свою присягу, а сегодня опять повторил ее. «Едва ли среди моих рыцарей найдется более верный, – подумал король. – Есть другие, которые думают, что ближе ко мне, чем он; есть те, что богаче и сильнее этого рыцаря; но более преданного мне не найти. Я не вижу в нем злых помыслов». Король осушил до дна кубок с вином и отправился к своей супруге.

– Ну? – нетерпеливо спросил Рольф де Бриер, увидев вернувшегося Хью. – Что ты получил от короля, дружище? И стоит ли ездить за этим подарком?

– Насчет земель я ничего не узнал, но там есть относительно новая каменная крепость. Каменная, Рольф, а не деревянная! А еще мне обещают в жены девушку. Что ни говори, сделка недурна!

– Какую девушку?! – подпрыгнул Рольф. – Там есть девушка? Как ее зовут? Она красива? Нет, ты мне лучше другое скажи: она богата?

– Ее зовут Изабелла Лэнгстонская. Она – дочь умершего хозяина поместья, и я не имею ни малейшего представления о том, красива ли она и богата ли. – И Хью принялся пересказывать своему другу историю Лэнгстона и соображения короля по поводу отказа его невесты принести присягу на верность. – Вероятно, девушка испугана тем, как все обернулось, и все еще не оправилась после гибели отца и брата. Она получила изящное воспитание, но ее не научили, как вести себя в такой ситуации. Я наведу там порядок, и по весне эта маленькая птичка споет мне песнь любви.

Рольф рассмеялся:

– За этой птичкой, друг мой, наверняка будет присматривать ее мамаша, и эта добрая леди доставит тебе множество затруднений. Ты для нее будешь чужим и вряд ли сможешь исключить влияние матери на девушку.

– Когда она станет моей женой, – серьезно проговорил Хью Фоконье, – у Изабеллы не останется другого выбора, кроме как подчиниться мне. Если начнутся неприятности с ее матерью, я отправлю ее к пасынку в Нормандию, Рольф.

«Дерзко сказано, и план не из робких, – подумал Рольф де Брияр, – но ведь Хью Фоконье всегда шел напролом». Обоих друзей прислали ко двору для воспитания в семилетнем возрасте. Ни у того, ни у другого не было никаких реальных перспектив. Хью был сиротой, а Рольф – младшим сыном в семье. Они тут же стали закадычными друзьями. Королева Матильда воспитывала и обучала их вместе со своим младшим сыном Генрихом. Они то и дело путешествовали из Англии в Нормандию и обратно вместе с королевским двором. Сначала они были пажами, потом – оруженосцами; наконец, после смерти короля Вильгельма I их посвятили в рыцари. Добрая королева, как ее называли в народе, пережила своего мужа лишь на четыре года.

При дворе короля Вильгельма II все было совсем иначе.

Вильгельм Руфус не питал особого почтения к излишне набожным и напыщенным церковникам. Он был прямолинейным, прямодушным человеком и за преданность платил преданностью и щедростью; измену же карал мгновенно и сурово. При дворе его не было женщин: только пышно разодетые молодые мужчины. Ходили слухи – совершенно неоправданные, – будто бы король предпочитает хорошеньким женщинам хорошеньких мальчиков. Король только улыбался, не желая ни опровергать, ни подтверждать эти сплетни. И поскольку никого не могли определенно назвать фаворитом короля, церковь была вынуждена довольствоваться пустыми сплетнями. Впрочем, король так и не женился и не произвел на свет ни одного внебрачного ребенка.

Рольф подумал, что они с Хью тоже могли бы повторять эти пересуды, но никогда этого не делали. Просто король был мужчиной. У него не оставалось времени на нежности. Рольф и Хью выполняли свои обязанности и ждали благоприятного случая. У каждого из них была всего одна жизнь. Но вот наконец Хью получил во владение землю. И Рольф, имевший доброе сердце, от души радовался за своего друга.

Два дня спустя Хью и Рольф отправились в Лэнгстон в сопровождении своих оруженосцев и отца Бернарда, пожилого человека, сохранившего удивительную энергию. Четыре дня они ехали через Эссекс, а затем добрались до Саффолка. Стоял январь, холодный, сырой и ветреный. На пути встречались лишь пастухи, перегонявшие скот с одного пастбища на другое. Священник устраивал ночлеги в гостевых домах духовных орденов, в изобилии рассыпанных по сельской местности. За мелкую монету путники получали горячий ужин и мягкую постель, а после утренней службы, перед тем как тронуться в дорогу, – овсянку, хлеб и сидр. Отец Бернард предупредил своих спутников, что без посещения службы на завтрак рассчитывать не стоит.

– Таким примерным прихожанином я не был уже много лет, – с усмешкой произнес Рольф в последнее утро их путешествия.

Священник и оруженосцы рассмеялись, Хью только сдержанно улыбнулся: его больше интересовали окрестности, чем шутки Рольфа. Местность в целом была равнинной, слегка покатою, явно не хватало холмов, привычных для Хью с детства. Время от времени попадались просторные луга и прекрасные старые рощи. Дома, встречавшиеся на пути, были обиты досками и оштукатурены, крыши аккуратно покрыты соломой; каменных строений нигде не было видно. В общем, эти земли выглядели вполне благоустроенными и процветающими, как оно и было на самом деле.

Попадались небольшие порты, где стояли рыболовные лодки; порой сюда заходили торговые суда. Повсюду паслись стада коров и овец. Саффолк был самой густонаселенной из саксонских областей Англии благодаря так называемому закону делимого наследства, позволяв-

шему землевладельцам делить свои земли поровну между всеми детьми. В других районах Англии это было не принято.

Дорога петляла по тихой сельской местности, и Хью подумал, что сейчас он со своими спутниками словно бы отрезан от всего мира. Через эту область не проходил ни один из больших торговых путей. Воздух был холодным и влажным, тишина – почти гнетущей. Оказавшись вдали от королевского двора с его хлопотами и заботами, Хью обнаружил, что зима в действительности – очень красочное время года. Черные ветви деревьев четко вырисовывались на фоне серого неба. Болотные камыши и трава, расцвеченные всеми красками от красновато-коричневой до золотой, пробивались то там, то сям на темной земле и на обледеневших берегах ручьев и рек, густой сетью покрывавших безлюдный зимний ландшафт.

Хью заметил, что эти земли годятся как для пастбищ, так и для пахоты. Он раздумывал о том, сколько земель принадлежит хозяину Лэнгстона и хватает ли крепостных, чтобы возделывать их. Что там выращивают? Разводят ли овец и коров? Есть ли мельница? С каждым шагом своего коня Хью Фоконье все больше преисполнялся нетерпением: когда же он наконец увидит владения своих предков?

– Вот, милорд, прямо перед нами, за рекой, – сказал отец Бернард. – Если я не ошибаюсь, это и есть Лэнгстонский замок.

Путники остановились на обрывистом берегу над рекой Блит. Хью внимательно осмотрел окрестности.

– Здесь нет моста, – заметил он.

– Значит, где-то поблизости должен быть перевозчик, – рассудительно ответил Рольф.

Они направились вниз по склону и поскакали вдоль берега. Вскоре, прямо напротив Лэнгстонского замка, они увидели на той стороне реки плоскодонку, но перевозчика в ней не было. Оруженосец Хью, Фальк, заметил на берегу шест с колоколом. Повернув коня, он что было сил зазвонил в колокол; несколько секунд спустя на том берегу показался бегущий к лодке человек.

– Молодец! – похвалил оруженосца Хью. Потом перевел взгляд на Лэнгстонский замок. Король говорил, что прежде на этом месте находился старый дедовский дом. Замок действительно был каменный, и Хью задумался, откуда удалось достать столько камня. Двухэтажная главная башня была прямоугольной формы. Как положено, она находилась на земляном холме и благодаря этому возвышалась над окрестностями. Холм окружал широкий и глубокий ров, наполненный водой. Верхняя часть холма была обнесена стеной, а за стеной поднималась главная башня. От ворот замка через ров был переброшен деревянный подъемный мост. «Очень внушительно», – подумал Хью.

Но лодочник уже приближался и махал рукой всадникам; времени на размышления больше не было.

– Ты не сможешь перевезти нас всех за один раз, – сказал Хью, обратив внимание на размер лодки. – Фальк, Жиль, вы переправитесь после нас. Вам надо позаботиться о вьючных животных.

Оруженосцы кивнули.

Река была неширокой, но с удивительно сильным течением. Лодочник оказался опытным в своем деле, и на переправу не ушло много времени. Два рыцаря и священник двинулись вверх по крутому берегу, пересекли подъемный мост и прошли под навесной башней во двор замка. Они увидели ворота башни и конюшню. Мальчик-слуга подбежал к ним, чтобы привязать лошадей. Из ворот навстречу им вышел пожилой человек. Приблизившись, он увидел Хью Фоконье и подошел еще ближе, внимательно вглядываясь в лицо рыцаря.

– Милорд Хью! – воскликнул он дрожащим голосом. – Не верю своим глазам! Нам сказали, что вы погибли при Гастингсе вместе с вашими сыновьями! – Слеза скатилась по мор-

щинистому лицу старика. Он протянул трясущуюся руку и прикоснулся к руке Хью. – Вы ли это, мой добрый господин? Вы ли это или призрак явился смутить наши души?

– Как тебя зовут, старина? – спросил Хью.

– Я Элдон, милорд. Неужели вы не помните? Впрочем, когда вы отправились сражаться с нормандцами, я был еще мальчишкой, – ответил старик.

– Что ж, мой добрый Элдон, я сын вашего лорда Хью. Помните ли вы мою мать, леди Ровену? Когда она бежала из Лэнгстона после битвы при Гастингсе, я еще и двух месяцев не провел в ее чреве. Меня назвали в честь моего деда и отца.

В глазах старого слуги зажегся огонек понимания.

– Вы так похожи на вашего деда, – сказал Элдон. – Добро пожаловать, милорд Хью! Добро пожаловать домой, в Лэнгстон! – И он с силой сжал руку молодого рыцаря.

– Ты отведешь меня к хозяйке замка, Элдон? – спросил Хью.

– О да, милорд, и почту за честь сделать это, – раздался ответ. Элдон повернулся и повел гостей вверх по ступеням башни в жилые помещения.

Они поднялись на второй этаж. Хью знал, что на первом этаже хранятся основные запасы. На втором же должен жить хозяин замка со своей семьей. Гости и Элдон оказались в Большом зале, и Хью увидел, что несколько дверей ведут из него в другие комнаты. Вдоль одной из стен зала располагались в ряд несколько изящных стрельчатых окон. Напротив входа возвышался деревянный помост, на нем – стол отличной работы, покрытый белоснежной льняной скатертью. В зале было два больших камина. У одного из них сидела за ткацким станком женщина приятной наружности.

– Госпожа, – с поклоном обратился к ней Элдон. – Лорд Хью вернулся домой в Лэнгстон. Больше никаких объяснений он давать не стал.

Женщина поднялась.

– Добро пожаловать, милорды, – учтиво проговорила она, – хотя я не понимаю, что хотел сказать Элдон. В последнее время он стал несколько рассеянным, но всегда верно служил хозяевам этого замка, так что мы прощаем ему эти маленькие слабости. Я леди Алетта де Манвиль. Могу ли узнать ваши имена, милорды? – Но прежде чем те успели ответить, она отвернулась. – Элдон, принеси вина для наших гостей, – распорядилась она и снова повернулась к ним, любезно улыбаясь.

– Благодарим вас за радушный прием, миледи Алетта. Я отец Бернард, королевский священник, – представился святой отец. – Я привез вам от короля Генриха несколько известий. Этот молодой человек – лорд Хью Фоконье. Его спутник – Рольф де Бриар. Мы приехали из Вестминстера.

– От короля Генриха?! – На прекрасном лице леди Алетты отразилось смущение. – Разве король Вильгельм Руфус больше не правит Англией?

– Король Вильгельм умер в августе прошлого года, миледи, – ответил священник. – Неужели вы не слышали об этом?

– Нет, святой отец, не слышали, – сказала леди Алетта. – Мы здесь живем в таком уединении, вдалеке от больших дорог.

– Но разве за последние несколько месяцев вас не посещал дважды королевский гонец? Насколько я помню, в начале сентября и в конце ноября.

– О да, милорд, гонцы были, – ответила дама. Она и впрямь была красавицей: небесно-голубые глаза и пышные светлые волосы, заплетенные в косы и прикрытые прозрачной белой вуалью. – Но никто из них не уточнял, от какого именно короля прибыл. Быть может, они решили, что в этом нет необходимости, а мы и не подумали спросить. – Она слегка пожала плечами.

– Так вы не читали послания, миледи? – продолжал расспрашивать священник.

– Нет, святой отец. Гонцы говорили, что эти бумаги предназначались для хозяина Лэнгстона, а мой супруг сейчас далеко от нас. Он ушел в поход с герцогом Робертом. Кроме того, я не умею читать. Я оказала гонцам должное гостеприимство и отложила документы до возвращения моего мужа.

Священник вопросительно поглядел на Хью. Тот сказал:

– Здесь вышла путаница, отец Бернард. Гонцы не сочли нужным сообщить леди о смерти короля и о смене правления. Что нам делать?

– Это ничего не меняет, сын мой, – ответил отец Бернард. – Приказ короля Генриха остается в силе. – Он снова повернулся к леди Алетте: – Садитесь, мадам. Вам предстоит услышать много новостей. Прошу вас, милорды, садитесь. – И священник уселся сам на скамью напротив хозяйки замка. – Из ваших слов, миледи, я понял, что никто не сообщил вам о гибели вашего супруга прошлым августом в битве при Аскалоне. Ваш пасынок Уильям тоже погиб.

Дама на мгновение побледнела, перекрестилась, взяла поднесенный Элдоном кубок с вином и медленно отпила. Наконец она обрела дар речи и ответила:

– Нет, святой отец, я не знала о смерти Роберта. Значит, теперь титул перешел к Ричарду?

– Он женился, – сказал священник. – Быть может, за всеми этими хлопотами он позабыл о своем долге перед вами, миледи.

– Нет, – возразила леди Алетта. – Не забыл. Просто с того дня, как я вышла замуж за их отца, оба мои пасынка относились ко мне без всякого почтения. Да примут Господь и Пресвятая Богоматерь душу моего супруга. – Она на мгновение опустила голову, но священник заметил, что глаза ее оставались сухими. Взглянув на него, леди Алетта спросила: – Так зачем же король прислал вас в Лэнгстон, милорды? Это поместье не имеет никакой особой ценности. Что заставило короля Генриха обратить на нас внимание? Что мы значим для него, святой отец?

– Письма, которые передали вам, миледи, предназначались не для вашего мужа, а для вашей дочери. Король Генрих желал, чтобы она принесла ему присягу на верность. Когда она дважды пренебрегла его приглашением, король обеспокоился, ибо Лэнгстон находится в стратегически важном пункте. Если Англия окажется под угрозой вражеского вторжения, то такие замки, как ваш, на побережье и неподалеку от него, окажутся на первой линии обороны. – Проницательные серые глаза священника внимательно изучали лицо собеседницы в поисках каких-либо признаков лжи или страха, но Алетта де Манвиль выказывала лишь любопытство к неожиданным новостям. – Сэр Хью, – продолжал отец Бернард, – приходится внуком последнему саксонскому владельцу Лэнгстона, Хью Крепкой Руке.

После битвы при Гастингсе его мать бежала на запад, в родительский дом, где и родился сэр Хью. С семилетнего возраста он воспитывался при дворе королевы Матильды, поскольку его бабушка, леди Эмма, приходилась родственницей королю Вильгельму. – Отец Бернард остановился, чтобы дать хозяйке замка возможность обдумать эти известия.

– Умоляю вас, продолжайте, святой отец, – наконец сказала леди Алетта.

– Когда король Генрих услышал о смерти вашего мужа и понял, что вы с дочерью остались без опоры, когда он отчаялся получить от вашей дочери, наследницы Лэнгстона, присягу на верность, он решил, что наилучшим решением будет вернуть Лэнгстон единственному его законному наследнику – Хью Фоконье, другу детства и товарищу короля, – ибо король убежден в совершенной преданности лорда Хью.

– В таком случае, – произнесла Алетта де Манвиль, – мы лишаемся дома и наследства, святой отец? Что же будет с нами?

– О нет, леди, король вовсе не бессердечен. Он никогда бы не стал лишать собственности вас и вашу дочь. Король решил, что ваша дочь должна выйти замуж за Хью Фоконье. Она уже вошла в брачный возраст, и нам известно, что она ни с кем не помолвлена. Таким образом, – заключил священник, – все трудности решатся почти безболезненно. Я уверен, что люди

Лэнгстона с радостью признают своим хозяином внука Хью Крепкой Руки; вы не лишитесь своего дома, а ваша дочь получит в мужа благороднейшего из рыцарей.

– Я выйду замуж только за того, за кого захочу! – послышался решительный голос из-за двери. И обладательница этого голоса немедленно вошла в зал уверенным шагом. К удивлению гостей, она была одета как мальчик; принадлежность к женскому полу в ней выдавала лишь длинная коса.

– Изабелла! – укоризненно воскликнула Алетта де Манвиль.

– О, мадам, умоляю вас, не надо смотреть на меня как загнанная лань. Это вам не идет, – насмешливо произнесла Изабелла Лэнгстонская.

Рольф де Брияр вытаращил глаза и еле удержался от смеха, но священника слова девушки, судя по всему, шокировали.

– Вам не следует, леди, обращаться со своей матерью столь непочтительно, – тихо сказал Хью. Если он надеялся встретить такое же утонченное и хрупкое создание, как Алетта де Манвиль, то жестоко просчитался. Девушка была высокой, стройной, но ширококостной, с медно-рыжими волосами. Ее глаза, зеленые с золотыми искрами, гневно и неприязненно всматривались в лицо рыцаря.

– А кто вы такой, сэра, чтобы учить меня хорошим манерам? – яростно спросила Изабелла Лэнгстонская.

– Белли! – вполголоса произнесла ее мать, но дочка не обратила на это ни малейшего внимания.

– Боюсь, моя госпожа, что мне предстоит стать вашим супругом, что даст мне право распоряжаться вашей жизнью и смертью. Пока что я позволяю вам жить, – объяснил Хью без малейшего намека на юмор.

– Я выйду замуж только за того, за кого захочу! – повторила Белли.

Отец Бернард неохотно поднялся с теплого местечка у камина и, взяв девушку за руку, усадил ее туда, где прежде сидел сам.

– Король распорядился так, миледи Изабелла, что вы должны выйти замуж за этого доброго рыцаря, наследника последнего из саксонских лордов Лэнгстона. Ваш отец и старший брат погибли в Крестовом походе. А охрану замка – даже такого маленького, как ваш, – невозможно доверить женщине.

Холодное и надменное выражение лица девушки сменилось потрясенным, когда Изабелла услышала о смерти отца. Она изо всех сил пыталась сдержать подступившие слезы.

– Тогда я поеду к моему брату Ричарду в Нормандию, – упрямо сказала она. – Но замуж за саксонского подонка не пойду!

– О Белли! – не выдержала леди Алетта. – Ты же прекрасно знаешь, что Ричард нас не примет. Кроме того, он женился, а поместье Манвиль меньше, чем Лэнгстон. Ты ведь даже ни разу не была там. Там так уныло и мрачно! Я ненавижу Манвиль! Все эти годы замужества я была вынуждена ради мира в семье терпеть оскорбления твоих сводных братьев. О, они были очень осторожны и всегда вели себя почтительно при отце, так что он ни в чем не мог бы упрекнуть их. Он скорее нашел бы причины винить меня. Из всего, что я сделала за всю жизнь, Роберту де Манвилю понравилось лишь то, что я родила тебя. Сначала он пришел в ярость из-за того, что ты оказалась дочерью, а не сыном. И только когда стало заметно, как ты похожа на него, ты превратилась в его обожаемую крошку. А Ричард и Уильям были с тобой милы только потому, что это нравилось Роберту, а не потому, что любили тебя. Они вообще не любили никого, кроме себя. Ричард не примет тебя, дитя мое, поверь мне! Ему больше не надо улаживать отца.

– Как вы смеете говорить о моем отце так дерзко, мадам? – возмутилась Белли. – Он был чудесным человеком, и я любила его.

– А он любил тебя – настолько, насколько вообще был способен любить, дитя мое, – ответила Алетта, – но я говорю тебе чистую правду. Твой брат не примет тебя, я уверена. Да и зачем тебе уезжать из Лэнгстона? Это твой дом. Ты любишь его. Ты должна быть благодарна королю за то, что он дает тебе хорошего мужа и позволяет остаться там, где ты хотела прожить всю свою жизнь, в Лэнгстоне. Не надо противиться своему счастью, Белли.

– Вы так слабы, мадам, – презрительно фыркнула девушка. – Неужели я – ваша дочь? Во мне ничего нет от вас, мадам. Мой отец предпочел бы видеть меня мертвой, чем замужем за саксонцем!

– Это легко устроить, – сухо произнес Хью Фоконье, дотронувшись до своего меча, и голубые глаза его посуровели.

Рольф де Брияр хихикнул, но веселость его сменилась изумлением, когда он увидел, что девушка выхватила из-под плаща короткий меч и приготовилась защищаться.

– Белли! – взвизгнула леди Алетта.

Отец Бернард перекрестился.

Хью проворно шагнул вперед и выбил оружие из руки девушки. Потом, схватив ее за руку, отвесил ей несколько звучных шлепков пониже спины, встряхнул и крепко стиснул ее плечи.

– А теперь слушай меня внимательно, чертовка! – проговорил он угрюмо и жестко. – Твой отец, упокой Господь его душу, погиб. Король Генрих возвратил мне Лэнгстон и повелел тебе стать моей женой. Король – мой добрый друг. Если бы он знал, какая ты негодница, он ни за что не стал бы навязывать мне такую жену, а просто заточил бы тебя в монастырь. Я вовсе не грубиян, леди, и дам тебе неделю-другую, чтобы ты успела привыкнуть ко мне. А потом отец Бернард обвенчает нас и вернется к моему сеньору доложить, что его пожелание исполнено. Ты поняла меня, Белли?

– Ты ударил меня! – свирепо прошипела Белли.

– Бить женщин не в моих привычках, – ответил Хью, ничем не выказывая своего смущения в том, что она вынудила его поступить подобным образом. Нет, он не сомневался, что ее нужно проучить; с этим было все в порядке. По светским и церковным законам он имел полное право распоряжаться этой девушкой по своему усмотрению. Но его дед Седрик Мерлинсон всегда говорил, что если мужчина допустил насилие над женщиной или животным, то он проиграл битву.

Изабелла яростно уставилась на него:

– Лучше я окончу свои дни в монастыре, чем выйду замуж за тебя, проклятый саксонец!

– К сожалению, леди, нам не приходится выбирать, – ответил Хью. Затем, отпустив девушку, он обратился к леди Алетте: – Отведите вашу дочь в спальню, мадам, и оставайтесь с ней, пока она не успокоится. А потом возвращайтесь ко мне, мы поговорим.

– Я тебя ненавижу! Я никогда не выйду за тебя замуж! – бросила через плечо Изабелла, пока мать тащила ее за рукав из Большого зала.

– Спокойной ночи, чертовка! Да пошлет тебе Господь приятные сновидения! – отозвался новый хозяин Лэнгстона.

– Вот так так! – воскликнул Рольф де Брияр, как только женщины скрылись за дверью. – Извини меня, Хью, но это мегера! Пускай отец Бернард поедет к королю и расскажет ему обо всем. Уж лучше эта девица отправится в монастырь, чем сядет тебе на шею до конца твоих дней!

Уверен, что среди подопечных короля для тебя найдется какая-нибудь сладкая ягодка вместо этой стервы.

– Да... мне даже жаль тот ни в чем не повинный монастырь, которому достанется такая мерзавка, – задумчиво проговорил священник. – Я склонен согласиться с сэром Рольфом. Мне кажется, эта девица не в своем уме.

Хью Фоконье покачал головой:

– Надо дать ей немного времени, чтобы она привыкла к грядущим переменам. Я не хочу отказываться от нее, пока остается шанс завоевать ее дружбу. Не забывайте, Изабелла только что испытала ужасное потрясение. Она узнала о смерти отца. И вдобавок ей предлагают в мужа совершенно незнакомого человека. Мне кажется, она испугана, хотя сама стала бы отрицать это изо всех сил. Она считает страх постыдным чувством.

– Ты слишком мягкосердечен, – вздохнул Рольф. – Это обычная невоспитанная стерва.

– Ее называют Адская Белли, – внезапно раздался глухой шепот. – Люди в Лэнгстоне боятся ее до смерти, милорд.

Трое мужчин повернулись и уставились на старого Элдона. Рольф не выдержал и расхохотался. Даже отец Бернارد позволил себе улыбнуться.

– Я буду звать ее Сладкая Белли, – произнес Хью, и в его голубых глазах сверкнул хитрый огонек. – Когда я натаскивал особенно упрямого сокола или ястреба – такого, что клевал без всякого повода, – я управлялся с ним при помощи ласковых слов, небольших угощений и твердой руки, и в конце концов он начинал доверять мне. С этой чертовкой я буду обращаться точно так же, пока она не превратится в сладкоголосого ангелочка с нежным сердцем.

– Ты сошел с ума! – заявил Рольф. – Сама Пресвятая Богоматерь не смогла бы ее укротить! Если бы мне пришлось иметь дело с этой девкой, я учил бы ее собачьим хлыстом, пока она не стала бы подчиняться мне, или убил бы ее. – Рольф призадумался на мгновение. – Или она бы меня убила, – добавил он.

Теперь настала очередь Хью улыбнуться, и эта улыбка озарила его лицо. Молодого человека нельзя было назвать красавцем: высокий и ширококостный, с продолговатым лицом, крупным ртом и длинным носом, напоминавшим клюв птицы. Глаза – большие, ясные, чисто-голубые – явно украшали это заурядное лицо, да еще доброжелательная широкая улыбка открывала на всеобщее обозрение крепкие, удивительно белые зубы. Выражение лица его обыкновенно было серьезным, почти суровым; но когда он улыбался, зубы его блестели, а улыбка начинала светиться даже в глазах. В отличие от большинства мужчин он не выбривал затылок. Его темно-русые волосы не вились и были подстрижены сравнительно коротко.

– Давайте поглядим, насколько мне удастся приручить эту дикую птичку, которой так щедро наградил меня король. Если задача окажется невозможной, друзья мои, я посажу ее в клетку. Это будет нелегко, но мне кажется, я смогу покорить леди Изабеллу.

Глава 2

Алетта де Манвиль с неожиданной силой втокнула свою дочь в спальню. Захлопнув за собой дверь, она заперла ее на засов, повернулась и взглянула в лицо дочери:

– Ты что, совсем спятила, Изабелла?

Поведение матери озадачило девушку. Алетта была кротким, нежным созданием; она прежде никогда не выказывала характер, не произносила при дочери ни единого грубого слова. В основном презрение к Алетте, которое питала Изабелла, строилось на том, что мать никогда не могла настоять на своем и защитить собственное мнение.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, мадам, – ответила девушка, постаравшись вложить в эти слова как можно больше высокомерия. – Неужели вы рассчитывали, что я стану покорно смотреть, как наш Лэнгстон и меня в придачу отдадут этому длиннолицему саксонскому вору?!

– Изабелла! – В мягком голосе Алетты послышалось уже настоящее раздражение. – Что бы ты ни думала о женщинах, у нас есть разум. Ты не глупа. Более того, ты очень умная девушка. Король Генрих имеет полное право отобрать у нас Лэнгстон. Даже я понимаю положение дел. Твой отец все время беспокоился об этом; он отправился в крестовый поход, чтобы не разрываться между английским королем и герцогом Нормандии, как большинство нормандских баронских семейств. Вот почему ты получила Лэнгстон, а Ричард – Манвиль. Так никому из вас не придется делить свою верность между двумя сеньорами. Ты – англичанка, твой брат – нормандец. Твой выбор очевиден.

Мы не выполнили приказ короля и не принесли ему присягу, и король испугался, что Лэнгстон может стать на сторону герцога Роберта. Наш замок – слишком важный стратегический пункт, чтобы позволить ему уплыть в руки врага. Потому-то король Генрих и решил вернуть поместье наследнику его первоначального владельца. Он знает, что может доверять своему другу детства. Вдобавок он почтил память твоего отца, предложив тебя в жены Хью Фоконье, чтобы мы не лишились дома. Неужели ты не видишь, что это решает все проблемы?

Алетта де Манвиль откинула упавший на лоб золотистый локон.

– Неужели не понимаешь, как нам повезло, глупышка? Если бы король Генрих не был настоящим христианином и не заботился о своих подданных, он бы и пальцем не пошевелил ради вдовы Роберта де Манвиля и его невинной дочери. А ты осмеливаешься что-то лепетать о своем брате Ричарде. Ему на нас наплевать! Настало время посмотреть правде в лицо, дочь моя. Твой отец женился на мне по двум причинам: чтобы было кому заботиться о сыновьях, которых ему родила первая жена, леди Сибилла, и чтобы произвести на свет еще детей.

Когда мы с Робертом поженились, Уильяму было девять лет, а Ричарду – пять. Они росли совершенно несносными мальчишками: в присутствии твоего отца неизменно вежливы и послушны, со мной же – грубы и непочтительны; вдобавок их постоянно защищала эта мерзкая старая ведьма, кормилица их матери. Если бы она не поощряла такое поведение, быть может, я бы и справилась с ними. Но она таким образом старалась поддержать память о своей покойной госпоже.

Ты думаешь, что твои братья любили тебя, Белли? Ты ошибаешься! Они выкрали тебя, двухмесячную крошку, положили в ивовую корзинку, отнесли к реке и уже собирались утопить. Если бы их не заметил караульный, мы бы не говорили с тобой сейчас. Их старая нянька ползала передо мной на коленях со слезами на глазах (а я-то считала, что ведьмы не умеют плакать!), чтобы я не рассказывала Роберту об этом ужасном злодеянии. Узнай он об этом, не избежать бы им порки. И я не стала выдавать их, поставив условие, что они не приблизятся к тебе до тех пор, пока ты не будешь в состоянии защищаться. Старуха поклялась, что не подпустит их к тебе, и, надо отдать ей должное, сдержала свою клятву.

– А почему вы не родили еще детей? – с неожиданным любопытством спросила Изабелла, сообразив, что ее родители прожили в браке целых двенадцать лет, прежде чем отец отправился в Святую Землю.

– Вскоре после того, как ты родилась, твой отец утратил мужскую силу, – откровенно призналась Алетта. – Я была только рада. Несмотря на то что я досталась ему девственницей, мне кажется, что любовник из него был совершенно ужасный – бесчувственный, грубый. Даже если у женщины нет опыта, она всегда чувствует такие вещи.

К собственному ужасу, Изабелла покраснела от откровений своей матери. Элегантный, благородный отец всегда был для нее идеалом. Девушка изумилась, узнав, что Роберт вовсе не был совершенством.

– Впрочем, мой брак, – продолжала мать, – не то, что должно нас сейчас беспокоить, дочь моя. Нам необходимо поговорить о твоём браке.

– Я не выйду за этого тупорылого остолопа! – упрямо воскликнула Изабелла. – Неужели король не мог сосватать мне какого-нибудь красавчика вроде его друга? Кроме того, меня ведь не могут выдать замуж против моего желания, мадам, верно? – Она самодовольно улыбнулась и тут же задохнулась от возмущения, когда мать отвесила ей тяжелую пощечину.

– Неужели ты настолько глупа и действительно не понимаешь, что происходит, Изабелла? У тебя больше нет выбора. Лэнгстон уже не принадлежит тебе. Если ты не выйдешь замуж за Хью Фоконье, то кто возьмет тебя в жены? Кому нужна девица без земель и приданого? Вдобавок еще с такой спесью и дурным нравом! А что будет со мной, дочка? Тебя это совсем не заботит? Ты предлагаешь мне на старости лет скитаться по дорогам Англии и просить подаяния? Даже ты не можешь быть такой бессердечной, Белли! Не можешь!

Изабелла расхохоталась:

– Мадам, вы совсем не старуха! Напротив, вы красивы и еще молоды. Неужели не сможете найти себе нового мужа, который приютил бы нас обеих? Почему бы вам самой не выйти замуж за Хью Фоконье? Это было бы идеальным решением.

– Для тебя – возможно, но не для меня. Я не хочу больше выходить замуж. Теперь, став вдовой, я могу сама распоряжаться своей жизнью. Меня вполне устраивает такое положение, когда на меня никто не претендует. Будь умницей, Изабелла. Хью Фоконье – неплохой человек, он будет обращаться с тобой хорошо, если только ты предоставишь ему такую возможность и скажешь хоть несколько добрых слов.

– Он саксонец, мадам. Вам известно, как относился к саксонцам мой отец. Он их терпеть не мог, – напомнила девушка своей матери.

– Этот человек – друг короля, Изабелла. Священник сказал, что он вырос вместе с королем Генрихом. Если король принял его дружбу, то как же ты можешь отвергать его? Даже твой отец не пошел бы против сеньора. Ты просто обязана выйти за него замуж.

– Ни за что! – Изабелла гневно топнула ногой.

– Ты останешься в своей спальне и будешь жить на хлебе и воде, пока не передумаешь, – сказала не менее разгневанная Алетта. Она прекрасно знала, как ее дочь ненавидит заточение. Изабелла почти всю жизнь провела под открытым небом.

– Я убегу, – раздался дерзкий ответ.

– И куда же ты отправишься? – насмешливо спросила мать. – К своему драгоценному Ричарду? Даже если он согласится приютить тебя, Белли, какая жизнь ожидает тебя в Нормандии? Ты окончишь свои дни бесплатной прислугой в доме брата. Лишившись Лэнгстона, ты лишишься приданого. Сейчас у тебя пока что есть молодость и красота. Конечно, ты не идеал красоты. Ты слишком высокая для девушки. Но все же среди знакомых твоего брата может найтись такой, что захочет сделать тебя своей любовницей. Неужели ты предпочтешь жить на чужбине в таком положении, чем хозяйкой Лэнгстона? Думаю, нет. – Алетта предостерегающе подняла руку, увидев, что Изабелла открыла рот и хочет что-то сказать. – Не хочу больше слу-

шать тебя, Изабелла. Я ухажу и советую хорошенько все обдумать. Я уверена, ты придешь к разумному решению.

Открыв дверь, Алетта прошла обратно в Большой зал. Она не забыла запереть дочь в спальне, прежде чем снова присоединилась к двум рыцарям и священнику, гревшимся у камина.

– Садитесь, мадам, – учтиво произнес Хью. – Скажите, леди Изабелла оправилась от потрясения? Она успокоилась? Я понимаю, что такой чувствительной девушке тяжело узнать о смерти своего отца в подобных обстоятельствах. Судя по всему, она очень любила его.

– Он избаловал ее, – тихо сказала Алетта де Манвиль, – и поскольку я ценю вашу доброту, милорд, давайте не будем притворяться друг перед другом. Изабелла вовсе не чувствительна. Она своевольна. Мне не позволяли воспитывать ее, потому что отец нашел в ней то, что считал величественным духом, которым он и восхищался, и забавлялся одновременно. По правде говоря, когда муж уехал, даже я признала, что ее сила является достоинством. Мне не хватало твердости, чтобы управлять Лэнгстоном. А Белли – хватало. Она родилась здесь и любит Лэнгстон больше всего на свете.

– Так ли сильно она его любит, чтобы выйти за меня замуж без дальнейших хлопот? – поинтересовался Хью.

На губах Алетты появилась легкая улыбка:

– Она еще не готова признать свое поражение, милорд. Она полна гнева и дерзости. Я сказала ей, что она останется в своей комнате на хлебе и воде, пока не одумается.

Хью кивнул:

– Быть может, проведя несколько дней в уединении, она сможет здраво рассудить, мадам. Не пришлете ли вы ко мне утром сенешаля? Хочу тщательно осмотреть Лэнгстон, чтобы подготовиться к весеннему севу.

– У нас нет сенешаля, милорд. Он был уже совсем стар и умер три года назад. Я не знала, кем мой супруг хотел заменить его, и не стала этого делать. С тех пор поместьем управляла Изабелла. Никаких записей не велось, поскольку у моей дочери прекрасная память на цифры и факты. Мы отлично со всем справлялись.

– Значит, завтра вашу дочь нельзя держать взаперти. Я должен как можно скорее ознакомиться с хозяйством, – сказал Хью.

– Тогда возьмите ключи, – предложила Алетта, протянув ему железное кольцо со связкой ключей от всех помещений Лэнгстонского замка.

Хью покачал головой.

– Они должны быть у вас, мадам, пока Изабелла не станет моей женой, – сказал он.

– В таком случае, – произнесла Алетта, поднимаясь со скамьи, – я позабочусь об ужине, милорды, и устрою для вас ночлег. К сожалению, у нас всего две комнаты для гостей. Мне понадобится день-другой, чтобы вынести вещи из моей спальни. Придется разместиться кому-то вдвоем в одной спальне, но я предоставляю вам самим решать этот вопрос. – Алетта присела в реверансе и торопливо покинула зал.

– Какая жалость, что король выбрал вам в жены ее дочь, а не эту вдову, – сказал отец Бернард. – Она так очаровательна и благовоспитанна! Любой мужчина был бы счастлив с такой женой.

– Да, она хороша, – согласился Хью, – но, на мой взгляд, в ней не хватает остроты, святой отец. Дочь меня вполне устраивает. Леди Алетта не способна ничем удивить.

Вскоре их пригласили к столу и подали ужин. Еда была незамысловатой: мясистые креветки, слегка поджаренные и уложенные на листьях свежего кресс-салата; жаркое из кролика в винном соусе с морковью и луком-пореем; жирный сочный каплун с жареным луком; хлеб свежей выпечки; золотистое сливочное масло; щедрый ломоть сыра бри со слезой; и, наконец, чаша, полная желтовато-коричневых спелых груш. Кроме того, на столе стояли три кувшина:

один – с сидром, другой – с элем, а третий – с темным красным вином. Подали даже маленькое блюдечко с солью.

– Мой муж, – пояснила Алетта, – любил разнообразие и предпочитал сам наливать себе напитки.

Она села рядом с Хью, священник разместился по левую руку от нее, а Рольф де Брияр – справа от своего друга.

Стол был застелен белоснежной льняной скатертью и сервирован серебряными кубками и тарелками. Для жаркого предназначались ложки, рядом с каждым блюдом лежал специальный нож на тот случай, если бы кому-то понадобилось отрезать себе порцию, но все остальное ели пальцами, положив еду сначала на свою тарелку. В зале было тепло и уютно, два камина и свечи разливали золотистое сияние. Хью заметил, что пол не посыпан тростником, и спросил почему. Алетта объяснила, что не любит тростник, даже если его смешать с ароматными травами.

– От него только грязь разводится, милорд. Если все время бросать мусор и плевать на деревянный пол, от вони не избавиться. У нас ежедневно моют полы. Я повсюду расставила чаши с ароматными травами и сухими цветами, чтобы освежить воздух. Я ненавижу зловоние, а собаки часто мочатся в тростник. Чистый пол их отпугивает.

Хью улыбнулся. Его бабка Эмма говорила то же самое и тоже не позволяла посыпать тростником полы в зале.

– Согласен с вами, – сказал он.

Было решено, что Хью и Рольф разместятся в одной спальне, а отец Бернارد займет другую. Обе комнатки оказались крошечными.

После ужина леди Алетта извинилась перед гостями и удалилась в свою спальню. Хью предложил ей оставаться в прежних покоях до его свадьбы с Изабеллой, но Алетта даже слышать об этом не хотела.

– Теперь вы хозяин Лэнгстона, сэр Хью, – твердо заявила она. – Вам по праву принадлежат главные покои замка. Но я благодарна за ваше учтивое предложение. Я рада вашему приезду, несмотря на все эти неожиданности, и буду счастлива иметь такого зятя. – Алетта присела в реверансе и, повернувшись к священнику, спросила: – Вы завтра отслужите мессу, святой отец? Много времени прошло с тех пор, как нам выпадала такая благословенная возможность.

– Пока я в Лэнгстоне, совершать утренние службы – мой долг, – ответил отец Бернارد. – Можете также сказать вашим людям, что я почту за счастье принять их исповеди в любое время, когда они только пожелают.

– Благодарю вас, – с реверансом ответила Алетта. Потом, скромно улыбнувшись, она пожелала всем доброй ночи и удалилась в свои покои.

– Очаровательная дама, – одобрительно произнес священник.

– Приятная женщина, – медленно проговорил Рольф де Брияр, глядя, как за Алеттой закрывается дверь. – Просто идеальная жена.

– Черт подери! – воскликнул Хью и тут же смущенно улыбнулся. – Простите, святой отец. Рольф, я ни разу не слышал, чтобы ты так уважительно отзывался о какой-либо женщине, кроме твоей матери, да и то нечасто; ты ведь у нас отпетый сквернослов. Неужели эта вдова нашла путь к твоему сердцу?

Рольф встряхнулся, как промокший пес, и ответил:

– Это не важно, Хью. Все равно мне нечего предложить благородной даме. Я всего лишь бедный бездомный рыцарь.

– Отныне твой дом здесь, в Лэнгстоне, мой старый друг, – сказал ему Хью. – Мне нужен твой меч и нужен ты сам. Леди Алетта сказала, что сенешаль замка умер три года назад. Изабелла вела хозяйство, но не делала при этом никаких записей, потому что не умеет ни читать, ни писать. А ты умеешь, Рольф. Хочешь стать сенешалем Лэнгстона? Я предлагаю тебе почет-

ную должность и буду обращаться с тобой по справедливости. Отец Бернард может составить документ, подтверждающий наше соглашение.

Рольф де Бриар надолго задумался. Предложение показалось ему чудесным. У него нет других перспектив, кроме как вернуться ко двору короля Генриха таким же безземельным рыцарем, каким уехал. Должность сенешаля Лэнгстона принесет ему доход и почет, на которые он и надеяться не смел. Он сможет жениться. Кроме того, они с Хью давние друзья и прекрасно друг с другом ладят.

– Да! – воскликнул Рольф. – Я согласен стать сенешалем Лэнгстона, Хью, и спасибо тебе за это предложение.

– Значит, договорились, – сказал довольный Хью. – С утра после завтрака осмотрим поместье, а Изабелла будет нашим проводником. Она здесь все знает. Нам придется смягчить ее гнев, который, как я подозреваю, разгорится вовсю, когда она узнает о решениях, принятых этим вечером. А сейчас пора спать.

На рассвете отец Бернард начал свою первую службу в Большом зале: в Лэнгстоне не было ни церкви, ни часовни.

– Надо будет построить церковь, – твердо произнес Хью, и священник улыбнулся.

Изабелла стояла рядом с матерью, молчаливая и угрюмая. С ними были две служанки, которых накануне вечером гости не видели. После мессы, когда служанки собирались проводить девушку в ее спальню, Хью заговорил:

– С вашего разрешения, леди Алетта, я попросил бы Белли сопровождать нас с сэром Рольфом этим утром. Мы хотим осмотреть Лэнгстон. Если она поедет с нами, ей надо позавтракать.

– Как пожелаете, милорд, – пробормотала Алетта, опустив голову, чтобы скрыть блеск в глазах и легкую улыбку.

– Я не желаю ехать с тобой, саксонский ублюдок! – фыркнула Белли.

– Тем не менее, моя сладкая Белли, придется, – отозвался Хью. – Твоя мать сказала, что последние три года ты вела хозяйство в Лэнгстоне. Никто не знает лучше тебя, как здесь обстоят дела. Мне нужна твоя помощь. И потом, ты ведь наверняка предпочтешь прогуляться на свежем воздухе, чем сидеть взаперти?

Белли метнула на него яростный взгляд. «Будь он проклят, – раздраженно подумала она. – Какое отвратительное самодовольство!» Белли хотела послать его к черту, но мысль о том, чтобы провести целый день в четырех стенах, была невыносима. Она знала, что мать не позволит ей лентяйничать и заставит шить, а то и прясть, – оба эти занятия она ненавидела лютой ненавистью.

– Хорошо, – неохотно ответила она. – Я покажу тебе Лэнгстон, но не думай, что победил меня! Ты – мой заклятый враг!

– Предупреждаю тебя, чертовка: я никогда не проигрываю сражений, – сказал Хью.

– Я тоже, саксонец, – свирепо отозвалась Белли и без лишних слов уселась за стол.

Слуги тут же поставили перед ней тарелку с овсяной кашей и теплый свежесвеженный хлеб, не забыв налить ей кружку сидра. Белли принялась с аппетитом поглощать овсянку, жадно прихлебывая сидр.

– В будущем, моя красотка, – прошептал ей на ухо Хью, – я хочу, чтобы ты всегда дожидалась, пока отец Бернард произнесет благословение.

– Как тебе угодно, саксонец, – ответила она, понимая, что он прав, но не желая признавать это. Слегка оттолкнув его, она протянула руку к сыру.

Схватив запястье Белли, Хью удержал ее руку.

– Позволь, я помогу тебе, моя сладкая Белли, – произнес он, отрезая ей ломтик твердого желтого сыра.

– Зачем ты так меня называешь? – ворчливо спросила она, откусывая сыр. – Я вовсе не твоя сладкая Белли, саксонец.

– Но я надеюсь, что, когда я наконец смогу пробиться через колючую изгородь, которой ты окружила себя, я найду за ней сладкую Белли, – ответил Хью.

Белли расхохоталась.

– Ох, Пресвятая Богоматерь! – насмешливо проговорила она.

Хью очаровательно улыбнулся ей:

– О-о-о, я заставил тебя рассмеяться, моя красotka! Ты очень мила, когда смеешься.

– Я смеюсь над твоей глупостью, саксонец, – сказала Белли. – Неужели придворные дамы без памяти падают в твои объятия, когда ты говоришь им такую чепуху? Я не такая, не надейся!

Хью фыркнул и сосредоточился на еде. Белли еще сама не понимала, что в ее защите уже появилась брешь.

После завтрака слуги принесли чаши с теплой водой для мытья рук и льняные полотенца. Потом Хью, Белли и Рольф отправились во двор замка, где их уже ждали оседланные кони. Одна из служанок торопливо подбежала к Белли и набросила ей на плечи плащ. Юный помощник конюха встал на колени, и Белли, даже не удостоив его взглядом, ступила ему на спину и забралась в седло своей лошади – серой в яблоках кобылы. Белли ласково потрепала ее по загривку.

– Возглавишь ли ты наш отряд, моя красotka? – спросил Хью.

Белли раздраженно взглянула на него:

– Поскольку ты сам не додумался, в какую сторону ехать, саксонец, я тебя провожу! – И она пустила свою кобылу шагом, проехав через ворота под навесной башней.

У подножия холма, на котором возвышался замок, прилепилась маленькая деревушка. В трудные времена ее обитатели могли укрыться под защитой замковых стен. Деревня состояла из одной-единственной улицы, вдоль которой располагались дома. Большую часть населения Лэнгстона составляли ремесленники, хотя здесь же находились дома семей слуг из замка. Дома были деревянные, покрытые светло-голубой, желтой и белой штукатуркой. За ними расстились поля и пастбища.

– Как получилось, – спросил Хью у Белли, – что замок и стены смогли построить из камня? Ведь ни в Саффолке, ни в Эссексе, ни в Норфолке нет каменоломен!

– Мой отец вез камни на полозьях через топи из Нортгемпшира, – ответила девушка. – Замку всего двадцать пять лет. Он был заложен в том году, когда родился мой брат Уильям. До того на этом месте стоял старый саксонский дом. Замок построили всего за несколько лет. Но леди Сибилла, первая жена моего отца, не хотела жить в Англии. В те времена мой отец приезжал в Лэнгстон дважды в году. Он состоял на службе у короля, а потом – у сына короля. Женившись в Нормандии на моей матери, он сразу же привез ее в Англию, потому что всегда хотел жить здесь. Здесь я и родилась.

– А я был зачат здесь, – сказал Хью.

– Что?! – удивленно переспросила Белли.

– Моя мать, – объяснил Хью, – родом из Уорсестера. Она вышла замуж за моего отца в июне, накануне битвы при Гастингсе. Ее родные, естественно, были на стороне герцога Вильгельма, который вскоре стал королем Англии. Семья моего отца поддерживала Гарольда Годвинсона, но мать любила моего отца и, как мне сказали, примирилась с этим. Когда до нее дошли известия о битве и поражении короля Гарольда, она собрала все ценности и вернулась в родительский дом. В то время она носила меня под сердцем. Вскоре после моего рождения она умерла. Моя бабка Эмма говорила, что она не смогла пережить вечную разлуку с мужем, погибшим при Гастингсе. Она успела лишь родить сына и назвать меня в честь отца.

Изабелла промолчала. Своевольная и несдержанная, она была доброй девушкой, хотя редко показывала это. И пускай рядом с ней ехал саксонский пес, но история, которую он рас-

сказал, тронула ее душу. Всадники неторопливо следовали по деревенской улице, Изабелла показывала дома бондаря, дубильщика, плотника, сапожника, кузнеца, медника, гончара и мельника.

– У вас на удивление много ремесленников, – заметил Хью.

– За это следует благодарить твою семью, а не мою, – недовольно проворчала Изабелла. – Они все были уже здесь, когда приехал мой отец. Кроме этой деревни, есть еще два небольших поселения. Мы посетим их сегодня. Там живут те, кто возделывает наши земли.

Пока отряд проезжал по деревне, сельчане высыпали на улицу. Они указывали пальцами вслед всадникам и перешептывались между собой. Наконец, когда всадники поравнялись с кузницей, Изабелла снова заговорила:

– Мы должны навестить Старого Альберта. Это деревенский староста, он обидится, если мы не заглянем к нему.

Всадники остановились и увидели под навесом кузницы седого как лунь старика, развалившегося в кресле. Рядом с ним стояла его несколько более молодая копия, а чуть поодаль – четверо еще более молодых мужчин. Старик уставился на Хью и велел всадникам подъехать поближе. Заглянув в лицо новому хозяину Лэнгстона, он произнес удивительно сильным голосом:

– Он из рода Крепкой Руки. Вылитый дед.

– Это, – сказала Изабелла, – Старый Альберт, кузнец.

– По правде говоря, милорд, – сказал Старый Альберт, – я больше не занимаюсь кузнечным ремеслом. На это есть мой сын Элберт и его сыновья, и клянусь вам, они прекрасно справляются: ведь я сам обучал их!

– Ты знал моего деда? – спросил Хью.

– О да, и вашего отца, и дядей тоже. Я самый старый в этих краях, милорд. Я прожил уже восемьдесят зим. Ваш дед был честным человеком. И ваш отец, которого называли Хью Младший, был ему под стать. Я помню ваших младших дядей, Гарольда и Эдварда. Такие озорники, вечно гонялись за деревенскими девчонками, а те только радовались, когда попадались в их объятия. – Старик закашлялся и покачал головой. – Они были слишком молоды, чтобы умирать, но ваша мать правильно сделала, что вернулась к своим родителям после битвы. Конечно, нашлись такие, что осуждали ее за это, но ведь она сохранила род Крепкой Руки. Благодаря ей я дожил до того дня, когда Лэнгстон вернулся к своему законному хозяину. Ведь Эддон сказал нам правду? Вы действительно вернулись домой, Хью Крепкая Рука?

– Да, – ответил Хью, глубоко тронутый словами старика. – Наш добрый король Генрих возвратил мне Лэнгстон, да хранит его Господь и дарует ему долгие дни! Но, Старый Альберт, меня зовут Хью Фоконье, Хью Соколятник. Я выращиваю ловчих птиц. Вскоре они будут летать над землями Лэнгстона.

– А как же госпожа? – спросил Старый Альберт, взглянув на Изабеллу. – Ее отошлют из замка?

– А тебе бы этого хотелось, не так ли, старый подлец? – огрызнулась Белли.

– Госпожа по приказу короля должна стать моей женой, – ответил Хью собравшимся вокруг сельчанам. – И если вы уважаете меня, то я потребую такого же уважения к леди Изабелле. Она справедливо управляла этими землями последние три года, заботилась о вас и следила, чтобы вам не причинили никакого вреда.

– И выжимала из нас все до последней капли! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Собирать ренту входило в ее обязанности, а вы обязаны платить. Насколько я вижу, вы не бедствуете, – ответил Хью. – Я не заметил никаких признаков голода или болезней. Вы должны платить ренту хозяевам Лэнгстона. Боюсь, вы слишком долго жили без хозяйской руки. Но теперь все пойдет иначе. Рыцарь, которого вы видите рядом со мной, – Рольф де Бриар. Он назначен новым сенешалем Лэнгстона. Он честный человек и не станет вас обманывать, но и

вам не позволит хитрить. Со мной также приехал отец Бернард. Мы построим здесь церковь. До тех пор утренние службы будут каждый день проходить в Большом зале замка. Если кому-то нужно обвенчаться или креститься, отец Бернард к вашим услугам.

– Благослови Господь вашу светлость! – одобрительно воскликнул Старый Альберт.

– И да сохранит Господь вас всех, – отозвался Хью Фоконье.

И трое всадников двинулись дальше, проехав по деревне и оказавшись на открытой местности. Поля, освещенные тусклым зимним солнцем, лежали под паром. За ними струилась река, бегущая к морю.

– Я видел лодки на берегу реки, – заметил Хью.

– Три-четыре семейства занимаются рыбной ловлей, – объяснила Белли. – Излишки мы позволяем им продавать.

– А что вы выращиваете на полях?

– Пшеницу и рожь. Овес, ячмень, немного хмеля для пива. Бобы, горох и вику. На огородах растет салат, морковь, лук и порей. Еще моя мать на первом этаже замка выращивает травы, которые годятся в пищу и для лечения. Кухня находится тоже на первом этаже. За ней – наши сады. Большой яблоневый сад, грушевые, сливовые и персиковые деревья. Еще у нас есть вишня, – сообщила Белли.

Хью видел коров и овец, пасшихся на зимних лугах. Он знал, что сельчане также разводят домашнюю птицу. На болотах должна водиться дичь. В лесах на границе поместья наверняка много оленей, кроликов и прочего зверья. Поместье оказалось прекрасным: в нем было все, что нужно для безбедной жизни.

Всадники посетили другие деревни, познакомившись с тамошними жителями. Их тепло встречали, но никто не удивлялся: слухи далеко опередили их. Белли почти ничего не говорила, только отвечала на вопросы Хью. Они вернулись в замок во второй половине дня и обнаружили, что Алетта подготовила отличный горячий обед. А когда они поели, она преподнесла им еще один сюрприз.

– Уверена, что вы не мылись уже несколько дней, – сказала она. – Если пройдете в купальню, я обо всем позабочусь.

– У вас есть купальня? – Хью был очень доволен.

– Наш замок не слишком велик, – ответила Алетта, – но мы не испытываем неудобств. У нас две уборные, от которых под землей идет сточная труба прямо в реку, – с гордостью сообщила она.

Купальня оказалась настоящим чудом: огромная каменная ванна продолговатой формы, в которую можно было накачать насосом холодную воду. Прямо за ванной находился небольшой камин, где грели воду. Над камином висел большой чайник: достаточно было лишь слегка наклонить его над покатою стенкой ванны, чтобы добавить горячей воды и довести воду в ванне до нужной температуры. Купальня обогревалась большим камином у противоположной стены. Посреди комнаты стоял стол с полотенцами и прочими принадлежностями для купания. Алетта объяснила, что, когда в ванной открывают сточное отверстие, вода уходит в подземную трубу, соединенную с трубой от уборных.

Отец Бернард сказал, что примет ванну последним.

Алетта привела Хью и Рольфа в купальню и спросила:

– Кто из вас пойдет первым?

– Я уступаю моему гостю, – сказал Хью, слегка поклонившись Рольфу.

– Нет, милорд, я больше не гость, а сенешаль Лэнгстона, – раздался учтивый ответ. – Я должен уступить моему хозяину. – И Рольф тоже поклонился.

Хью рассмеялся:

– Не хочу больше спорить с тобой, Рольф. Мне не терпится забраться в ванну. – И он начал раздеваться, передавая предметы туалета миловидной старой женщине, сопровождавшей леди Алетту.

– Это Ида, моя служанка, – пояснила Алетта. – Забирайтесь в ванну, милорд, пока вода не остыла.

– А разве Изабелла не помогает купаться гостям, миледи? – спросил Хью.

– Думаю, она еще слишком молода для таких обязанностей, – ответила Алетта.

– Ей пора учиться, – сказал Хью. – Пускай Ида приведет девушку, чтобы она помогла вам. Я отошлю ее, когда Рольф будет купаться. – Хью залез в ванну и сел на купальную скамью.

– Позови мою дочь, – тихо велела служанке Алетта.

Вернувшись, Ида доложила:

– Она отказывается.

Хью и Рольф переглянулись.

– Приведи миледи, – сказал Хью.

Вскоре до них донесся яростный вопль. Дверь купальни распахнулась от удара ноги, и на пороге появился сенешаль со своей пленницей. Изабелла, которую Рольф бесцеремонно перебросил через плечо, дико брыкалась и колотила по спине кулаками. Когда Рольф поставил ее на ноги, она ударила его изо всех сил.

– Как ты осмелился прикоснуться ко мне, мужлан! – завопила она. Ухмыльнувшись, Рольф отвел ее руку, занесенную для второго удара.

– Это я попросил его привести тебя, моя сладкая Белли, – сказал Хью. – Когда ты станешь моей женой, на тебе будет лежать обязанность мыть почетных гостей. Твоя мать сказала мне, что ты совсем неопытна в этом искусстве. Пора учиться. Вон там, на столе, лежит губка. Возьми ее, обмакни в жидкое мыло и натри мне плечи.

– Не буду! – крикнула девушка.

– Ты должна тереть нежно, но твердой рукой, моя красавица, – спокойно продолжал Хью, не обращая внимания на протест.

Изабелла скрестила руки на груди, уставившись куда-то в пространство над его головой.

– У тебя что, уши отвалились, саксонец? Я не стану мыть тебя. Это нелепый обычай, а кроме того, хозяйка замка – моя мать, а не я.

– Изабелла, ты вымоешь меня, – произнес Хью уже более грозным тоном.

– Не надейся, – самодовольно возразила она.

– Белли, – умоляюще проговорила мать, – хозяйка замка – это жена хозяина. Когда ты выйдешь замуж за Хью Фоконье, ты должна будешь выполнять эти обязанности, а не я.

– Когда я стану женой хозяина, тогда и буду, – ответила Изабелла, – но ни на минуту раньше, мадам. Впрочем, возможность этого брака для меня сомнительна.

– Моя сладкая Белли смущается, – с притворным участием проговорил Хью. – Приятно видеть, что она такая застенчивая и скромная. Это лишь усиливает ее очарование. Ты будешь наблюдать за своей матерью, Белли, и учиться. Я не стану требовать, чтобы ты мыла меня, пока мы не поженимся.

– Иди к черту! – крикнула Изабелла. – Я не стану смотреть, как тебя убажуют, словно младенца-переростка.

Она развернулась и направилась к двери, но Рольф преградил ей путь, ласково улыбнувшись.

– Вы слышали распоряжение хозяина, миледи, – сказал он.

– Распоряжение хозяина?! – Девушка яростно взглянула ему в лицо и что было силы пнула в голень.

– Оу-у-у-у! – взвыл Рольф, запрыгав на одной ноге, а Изабелла тем временем проскользнула мимо него и выбежала за дверь.

– Ох, миледи, – вздохнула Ида, взглянув на свою хозяйку, – ее надо было учить в детстве розгами. Да поможет вам Господь, милорд Хью. Эта девица наверняка одержима бесом.

– Подлей еще горячей воды, Ида, – отозвался Хью. – Она остывает. – Потом повернулся к Алетте и улыбнулся: – Не волнуйтесь, миледи, со временем я укрошу ее, – пообещал он.

– Она так добра с животными, милорд, – сказала Алетта, и в ее ярко-голубых глазах блеснули слезы, – но с людьми совершенно несдержанна. – И Алетта принялась мыть нового хозяина Лэнгстона, потом вытерла его насухо и завернула в теплое полотенце. – Теперь главные покои принадлежат вам, милорд. Я убрала оттуда свои вещи. Пока моя дочь не станет вашей женой, я буду делить с ней спальню, а затем, с вашего разрешения, останусь жить в ее комнате. Ида отведет вас и проследит, чтобы вы удобно устроились. Идите быстрее, иначе простудитесь.

Хью хотел было возразить, но не стал. Алетта поступала так, как положено, ибо теперь хозяйские покои по праву принадлежали ему. Если бы он отказался, она смутилась бы, а то и обиделась, несмотря на всю свою доброту и терпимость.

– Благодарю вас, мадам, за вашу учтивость, – ответил он и пошел следом за Идой из купальни в свои новые покои.

Алетта обернулась к Рольфу де Бриару.

– Давайте, милорд, – сказала она ему, – не мешкайте. Святой отец тоже хотел принять ванну.

Рольф разделся, пряча смущение, быстро отдал ей одежду и забрался в ванну, откуда только что вылез его друг. Он думал о том, что Алетта – самая красивая женщина из всех, что ему доводилось встречать. Он обнаружил, что его влечет к ней все больше и больше. Он не знал, что делать.

– Сколько вам лет? – внезапно спросил он, к ее удивлению.

Щеки Алетты окрасились легким румянцем; к счастью, Рольф стоял к ней спиной и не мог этого видеть.

– Тридцать, – ответила она. – Когда я вышла замуж за Роберта де Манвиля, мне было четырнадцать лет, а когда родилась Изабелла – только исполнилось пятнадцать. А почему вы спрашиваете?

– Мне тридцать два, – ответил он и умолк.

– У вас есть жена? – спросила Алетта через некоторое время. Она прилежно терла губкой его короткие светлые волосы.

– Нет. Я не мог позволить себе жениться. Я младший сын от третьей жены моего отца, – объяснил он. – Если бы мой старший брат не был щедрым человеком, у меня ни за что не хватило бы средств стать рыцарем, но Ранульф, благослови его Господь, всегда питал ко мне слабость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.